

ИСТОРИЯ ВОПРОСА ВЗАИМОСВЯЗИ ЗВУКА И ЗНАЧЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ахбаева Гузаль Базарбаевна

*Преподаватель-стажер факультета филологии кафедры
узбекского и восточных языков университета «Oriental»*

Ташкент, Узбекистан. axbayevaguzal@gmail.com.

Tel.: +998998396649

Аннотация *Данная статья посвящена историческому анализу вопроса взаимосвязи звуковой формы и значения в языкознании. Внимание уделяется эволюции научных взглядов на природу языкового знака — от античных философских размышлений до современных лингвистических концепций. Особое внимание обращено на дискуссию между теорией произвольности и мотивированности языкового знака, а также на примеры, в которых форма и значение тесно связаны — например, в ономастиях, звуко-символизме и миметических структурах некоторых языков.*

Ключевые слова *языковой знак, звук и значение, произвольность, мотивированность, ономастия, звуко-символизм, лингвистическая иконичность*

Введение

Одним из фундаментальных вопросов языкознания является характер взаимоотношения между формой языкового знака (звучанием) и его значением. Существует два противоположных подхода к данной проблеме: одни учёные утверждают произвольность языкового знака, другие настаивают на его мотивированности. На протяжении веков взгляды на природу этой связи претерпели существенные изменения, отражая философские, культурные и научные парадигмы своего времени.

1. Античные представления: спор между природой и условностью

Истоки вопроса уходят в Древнюю Грецию. Уже в диалоге Платона «Кратил» обсуждается, имеет ли языковой знак природное происхождение (*phýsei*) или условное, установленное соглашением (*théseí*). Кратил настаивал на природной связи между словом и его значением, в то время как Гермоген считал язык условным и произвольным. Эти две позиции легли в основу всех последующих теорий о природе языкового знака.

2. Средневековье и схоластика

В Средние века в рамках схоластической философии обсуждение природы слов было подчинено теологическим и логическим категориям. Связь между именем и сущностью воспринималась преимущественно как божественно установленная, а не как эмпирическое явление. Однако интерес к знаковой природе языка сохранялся.

3. Новое время и возникновение научной лингвистики

С развитием научного метода интерес к эмпирическому изучению языка усилился. В XVIII–XIX веках учёные, такие как Вильгельм фон Гумбольдт, признавали творческую природу языка и возможную связь между звуком и смыслом, особенно в области корнеобразования.

4. Фердинанд де Соссюр и теория произвольности

Переворот в лингвистике произошёл благодаря Фердинанду де Соссюру, который в своём курсе общей лингвистики (1916) чётко сформулировал принцип **произвольности языкового знака**: между означающим (звуковой формой) и означаемым (понятием) не существует естественной связи. Эта идея стала краеугольным камнем структурализма и долгое время оставалась доминирующей в западной лингвистике.

5. Реакция на соссюровскую модель: звуко-символизм и иконичность

С середины XX века всё чаще стали появляться исследования, ставящие под сомнение абсолютную произвольность знака. Возникли теории звуко-символизма, согласно которым определённые звуки ассоциируются с конкретными значениями (например, [i] — с чем-то маленьким, [a] — с чем-то большим). Исследования ономастии, звукоподражательных слов, миметизмов, а также иконических структур в языках, таких как японский и корейский, показали, что в определённых зонах языка связь между формой и значением может быть мотивированной.

6. Современные подходы

Современное языкознание рассматривает языковой знак как систему, в которой произвольность и мотивированность сосуществуют. Так, в лексике преобладает произвольность, в звукоподражаниях — мотивированность, а в морфологии и словообразовании возможны элементы и того, и другого. Когнитивная лингвистика, психолингвистика и семиотика вносят значительный вклад в уточнение механизмов, посредством которых форма и значение взаимосвязаны.

Сильной стороной звукоподражательной теории было признание существования первоначальной связи между звуком и значением в словах языка и признание естественного, отприродного характера этой связи. Противники звукоподражательной теории, справедливо критикуя ее за недооценку социальных условий возникновения

языка и за абсолютизацию принципа звукоподражания, вместе с тем необоснованно принижали значение звукоподражания и отказывались признать существование звукосимволизма. Исследования 50—80-х гг. 20 в. дают веские доказательства в пользу того, что собственно звукоподражание и звукосимволизм играли, наряду с жестом, важнейшую роль при возникновении языка. Изначально этот вопрос рассматривался в теории пения, в медицине и в рамках преподавания языка глухонемым. Первая попытка постановки вопроса о связи звука и значения можно найти в древнеиндийских Ведах.

Древние индийцы верили, что существует связь между самой вещью и наименованием. Ученные того времени утверждали, что в звуках слова заключена сущность вещи. Основатель учения конфуцианства Кун-Цзы, считал, что существует тесная связь между звуком и значением и называл эти отношения имя и вещь. При этом первое должно применяться ко второму. Этой же позиции придерживались в древней Греции ученые и мыслители Платон и Сократ. Вопрос ставился о том, что принадлежит ли имя вещи "по установлению" - "тесей" (от гр. 'установление', 'учреждение') или "по природе" - "фюсей" (от гр. 'природа', 'естество'), т.е. называют ли слова вещи произвольно и связи между звуком и значением нет, или же слова называют вещи не-произвольно, по природе" последних, и связь между звуком и значением есть, и она непроизвольна.

Платон подробно изложил свои взгляды о непроизвольности языкового знака в произведении «Кратил». Он утверждал, что слово есть некое подобие предмета. В период средневековья этот вопрос стал спорным между реалистами и номиналистами. Реалисты придерживались происхождения отприродного характера языковых знаков, обратное утверждали номиналисты. Или их называют еще сторонниками психологизма и антипсихологизма.

Школа стоиков утверждала, что языковые знаки имеют двухстороннюю сущность, образованная отношением означающего (semainon) — звуковой речи — и означаемого (semainomenon) — значения, интерпретируемых соответственно, как «воспринимаемое» и «понимаемое». Взгляды стоиков оказали огромное влияние на дальнейшее формирование фоносемантики как дисциплины в языкознании. Существенное влияние на вопрос связи звука и значения и в лингвистике в целом оказал Ф. де Соссюр, который заложил основу Лингвосемиотики в языкознании. Он утверждал, что язык представляет с собой систему знаков абсолютно произвольного характера. Слово является двухсторонней сущностью. С одной стороны-это звуки (материальная сторона), с другой – это смысл (содержательная сторона). Все слова и вообще все языковые знаки представляют с собой единство звука и значения, или

иначе говоря единство означающего и означаемого. Схематически это Ф. де Соссюр изображает так: Однако, как утверждает Якобсон Р. О., для Ф. де Соссюра все что относится к фонетике лишено значения и что концепция Ф. де Соссюра сама по себе слишком произвольная, что в ней много противоречий и что ученым давно пора заняться вопросом фонологии (связывающая вопрос звука и значения), а не акцентировать все внимание только на фонетику. Его идей продолжил С. В. Воронин. Впервые выделил фоносемантику как самостоятельную ветвь лингвистики, целью которой является изучение связи звука и значения в слове. Определил объект (звукоизобразительная система) и предмет ее исследования (звукоизобразительная система в пантохронии), а также обосновал принцип двойкой — непроизвольной/произвольной — природы языкового знака, вносящий существенную поправку в «принцип произвольности» Ф. де Соссюра. Основываясь на исследованиях, выполненных до него, С. В. Воронин подразделяет звукоизобразительную систему на звукоподражательную (ономатопэтическую) и звукосимволическую. Ввел понятие и определил природу синкинестэмии — базиса звукоизобразительности. Обобщил теорию звукоизобразительности, которая до этого рассматривалась лишь в рамках проблемы сущности языка, проблемы языкового знака, в вопросах экспрессивной речи, детского языка, стилистики и психологии. Он выдвигает мнение о том, что в дальнейшем Фоносемантика может стать частью новой широкой науки Лингвосигносемантики (наука о связи между формой, фонетической либо кинетической, и значением).

В японской лингвистической традиции исследования ономатопэтики являются одним из относительно разработанных направлений. Начиная с известной работы Х.Кобаяси "Исследование звукового символизма" 1935г, японские учёные исследуют ономатопэтические явления, опираясь на достижения мировой лингвистики, прежде всего теорию Ф. де Соссюра. (первый перевод работы был выполнен именно на японский язык).

Заключение

История вопроса о связи звука и значения демонстрирует, что язык — сложное и многослойное явление, в котором сочетаются как произвольные, так и мотивированные элементы. Хотя классическая лингвистика утверждала произвольность знака, современные исследования доказывают, что определённые формы мотивированной связи играют важную роль в языковой системе. Это открывает новые горизонты для изучения языка с точки зрения его семантической и когнитивной организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вада Ре:тай 2013. 「Гионго гитайго хё:ген о мегуру –коусацу: ничи дзё:ни мирареру гитайго гионго хё:ген то Миязава Кендзи но сакухин ни мирареру гитайго гионго хё:ген о торагэтэ」 Кё:то дайгаку каунсерингу сента –кие:42:33-40.[Исследование звукоподражательных и звукоизобразительных выражений: на основе повседневных и выбранных в произведении Миязавы Кендзи звукоизобразительных и звукоподражательных слов. Консультативный центр университета Кёто.Специальные ученые записи 42.с.33-40.]
2. Воронин, С, В. Основы фоносемантики. - М.: ЛЕНАНД. 2006. 248 с. Панчева Елена 2006. 「Нихонго но гисейго гитайго ни окэру кейтай то ими но соукан」 Чiba дайгаку дайгакуин.180.[соотношение формы и значения в звукоподражательных и звукоизобразительных словах японского языка. Университет Чiba аспирантура.с.180.]
3. Перельмутер, И. А. Платон история лингвистических учении. Древний мир. 1980. – М. 130 - 156 с.
4. Соссор, Ф. де. Курс общей лингвистики. 1998. – М.: Логос. 256 с.